

Проблема легитимности политической власти в современной России

*ВЕРШИНИН Александр Александрович,
МОЛЧАКОВ Никита Юрьевич*

В современном общественном дискурсе широко используется понятие легитимности политической власти. Среди политологов, журналистов и просто любителей поговорить на политические темы только ленивый не склоняет его на все лады. При этом мало кто понимает, что на самом деле скрывается под этим термином. Как правило, его путают с категорией легальности, подменяя наличие реальной поддержки власти со стороны общества ее фактической или воображаемой формальной законностью. Подобное заблуждение особенно популярно у тех, кто называет себя оппозицией современной российской власти. Однако проблема заключается не только в этом.

Сегодня так часто можно слышать рассуждения на тему легитимности (нелегитимности) политических режимов, что складывается впечатление, будто речь идет о каком-то универсальном параметре «правильных» государств. «Нелегитимным» СМИ объявляют практически любой политический строй, в котором не соблюдены формальные нормы западной демократии (та самая легальность), подразумевая, что любой «нормальный» западный режим является легитимным по умолчанию. В расчет тут даже не принимается хрестоматийная, хотя и несколько устаревшая, формула Макса Вебера о наличии трех типов легитимного господства в человеческом социуме, которые варьируются в зависимости от конкретных условий его существования.

Таким образом, налицо далеко зашедшая профанация в массовом информационном пространстве вполне конкретной научной категории. В самой этой ситуации нет ничего вопиющего. К сожалению, за последние годы наука весьма густо смешалась с обыденным мышлением. Однако вопрос о легитимности политической власти стоит особняком, так как он непосредственно касается перспектив существования российского государства в его нынешнем виде. Именно поэтому о проблеме легитимности сегодняшней власти надо говорить отдельно и фундаментально. Это важно не только с позиции восстановления хотя бы минимальной «научной справедливости». В современной России слишком часто понятием легитимности манипулируют в политических целях. Подобное осознанное введение в заблуждение значительной части общественного мнения несет серьезную опасность. В этой связи представляется целесообразным дать в предлагаемой статье общий теоретический анализ категории легитимности, а также разобраться с тем, что представляют собой кризисы легитимности, каковы пути их преодоления и насколько легитимным (нелегитимным) является современный политической строй России.

К истокам проблемы: государства современного и традиционного общества

Со времен Никколо Макиавелли известно, что государство не может основываться лишь на физическом насилии. Тот политический режим, который полагается только на грубую силу, обречен. Этот тезис в некоторой степени даже избит. Для его иллюстрации часто вспоминают слова, якобы сказанные Талейраном, о том, что на штыки можно опираться, но на них нельзя сидеть, или обращаются к русской классике, приводя широко известную цитату из «Бориса Годунова» о «мнении народном». Между тем мало кто задумывается о том, что легитимность государственной власти, т.е. ее признанность населением, равно как и само современное

государство, — феномены с достаточно короткой историей. Если бы мы, используя современный понятийный аппарат, обратились к человеку, жившему в Европе в X в., с вопросом о том, как он оценивает государство и политический режим, при котором живет, он бы нас просто не понял. И это не удивительно. Домодерн не знает не только понятия легитимности политической власти. Он не знаком и с категорией государства в современном ее понимании.

Традиционное общество, в рамках которого человечество жило большую часть своей истории, не имело представления о разделении власти и общества. Власть как механизм осуществления насилия была растворена в социуме. Легитимное принуждение осуществлялось целым рядом социальных акторов, от главы семейства до местного князька. Контроль над экономической жизнью территории как таковой вообще отсутствовал. Каждое хозяйство в условиях аграрной экономики — это мир в себе, практически полностью независимый от внешних условий. Сфера финансов и торговли существовала, однако она находилась в руках множества локальных властных групп, которые чеканили собственную монету, самочинно устанавливали таможенные барьеры и т.д. Функции распределения информации и «надзора за умами» были распределены между церковью (официальным религиозным аппаратом) и большой патриархальной семьей, в рамках которой шла трансляция традиций от поколения к поколению. Словом, единая правовая система, единое экономическое пространство с единой валютой, единое информационное поле, единое управление — все эти атрибуты современного государства, как правило, неизвестны в домодерне.

Согласно классической формуле Макса Вебера, государство представляет собой «человеческое сообщество, которое внутри определенной области... претендует (с успехом) на монополию легитимного физического насилия»¹. Исходя из этого определения, то, что мы называем государством, в традиционном обществе вообще не может им именоваться.

¹ Вебер М. Политика как призвание и профессия // <http://lib.ru/POLITOLOG/weber.txt>

Единственная сфера, в которой домодерновое государство обладало условной монополией физического насилия, — это обеспечение внешней безопасности. Исключения из этого правила, конечно, были. Так, Римская империя смогла добиться значительной степени концентрации власти в едином центре. Однако в целом государство в традиционном обществе слабо. Оно не имело возможности действовать постоянно и было связано целой системой формальных и неформальных соглашений с параллельными политическими и общественными образованиями, которые значительно ограничивали его влияние. Как институт государство было выражено весьма слабо. Зачастую оно отождествлялось с личностью правителя. Правитель, в свою очередь, управлял государством как собственным хозяйством².

В своей повседневной жизни человек традиционного общества редко сталкивался с государством. Иногда о его существовании говорил священник, во время церковной службы упоминавший правителя. В остальном же люди жили вполне автономно от государственной власти, руководствуясь в течение своей жизни нормами и традициями, принятыми в их сообществе.

Все это, разумеется, не означает, что государство эпохи домодерна представляло собой фикцию. История знает примеры мощных государственных образований древности. Однако их сила, как правило, выражалась лишь в эффективном выполнении той функции, ради которой государство и существовало. Обычно это было обеспечение внешней безопасности (или внешняя экспансия) либо организация какого-либо аспекта внутренней жизни страны (строительство ирригационных сооружений и т.п.).

Таким образом, на протяжении большей части своей истории человечество жило в условиях весьма аморфной политической системы. Однако в XVI–XVII вв. в Западной Европе начались процессы, которые привели не только к полной перестройке института государства, но и к коренному пре-

² Блок М. Феодальное общество. М., 2003. С. 402.

образованию всех сфер общественной жизни. Карл Поланьи назвал их «великой трансформацией» Запада — рождением современности (модерна).

В политической сфере модерн ознаменовал собой появление в Европе современного государства — государства Нового времени, того государства, которое мы сегодня называем таковым. Истоки его возникновения французский социолог Пьер Бурдьё усматривал в «завершении процесса концентрации различных видов капитала: физическо-го принуждения или средств насилия (армия, полиция), экономического, культурного или, точнее, информационного»³. Проще говоря, современное государство — это политическое образование, которое на определенной территории полностью ликвидирует все промежуточные инстанции, в прошлом претендовавшие на осуществление легитимного насилия в какой-либо сфере. В XVI–XVIII вв. государство в Европе постепенно монополизирует все виды власти, от физической до финансовой и информационной. С опорой на свои вновь обретенные возможности оно запускает процесс индустриализации европейских обществ на базе капиталистического хозяйства. Новая экономика открывает перед государственной властью еще более широкие перспективы собственного усиления. Она полностью ломает «внутренние перекрытия» традиционного общества — систему локальных и параллельных государству центров власти, которые в течение столетий ограничивали его власть. Традиционные сословия, цеха, гильдии, крестьянские общины, большие патриархальные семьи, ранее отправлявшие властные функции, постепенно уходят в прошлое под давлением экономики модерна. Церковь и религиозное сознание отступают перед лицом торжествующего рационализма.

Жизнь в социуме усложняется одновременно с набирающей темп дифференциацией общественных функций. Как в свое время показал Норберт Элиас, этот процесс за-

³ Бурдьё П. Социология социального пространства. М., 2007. С. 227.

пустил тенденцию к переформатированию поведенческой модели человека: «Для того чтобы каждое отдельное действие могло выполнить свою общественную функцию, поведение все большего числа людей должно было во все большей мере соотноситься с поведением всех прочих, а сеть действий должна была подчиняться все более точным и строгим правилам организации. Индивид принуждается ко все более дифференцированному, равномерному и стабильному регулированию своего поведения»⁴. В результате перед государством встала еще одна задача — контроль над поведенческими моделями в обществе. Методы надзора над людьми, активно использовавшиеся в тюрьмах и специальных учреждениях, переносятся в общественно-политическую сферу⁵. Таким образом, индустриализм открыл для прямого воздействия те сферы общественной жизни, которые прежде слабо поддавались влиянию внешних агентов, — интимную жизнь человека, его сознание.

Постепенно государство стало единственным субъектом легитимного насилия во всех сферах общественной жизни. Оно подчинило себе вооруженные силы и полицию, создало единый национальный рынок, ввело единообразное налогообложение и ликвидировало финансовый партикуляризм. Возникло единое государственное управление в рамках строго очерченной территории, объектом которого теперь являлся каждый индивид в отдельности. Начал формироваться институт профессиональной бюрократии. Государственная власть стала проникать во все поры социального организма и обрела, выражаясь словами Фуко, «капиллярный характер»⁶. Выделился важнейший вид власти государства в духовной сфере — «власть производить и навязывать ... категории мышления, которые мы спонтанно применяем ко всему, что есть в мире»⁷.

⁴ Элиас Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования // http://krotov.info/library/26_ae/li/as_16.htm.

⁵ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Fuko_Tyrm/06.php

⁶ Фуко М. Око власти // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Fuko_intel_power/Fuko_12.php

⁷ Бурдьё П. Указ.соч. С. 220.

Но главное, что изменилось на заре модерна, — это само видение власти. В эпоху средневековья власть воспринималась как категория «не от мира сего». Она являлась прямым продолжением «небесной иерархии». Ее максимой были слова апостола Петра: «Вся власть от Бога, и та, которая существует, установлена Богом». Сам принцип власти имел сакральный трансцендентный характер. Главное, что приносит с собой модерн в политической сфере, — это профанация власти, т.е. ее обмирщение, ее автономизация от сферы сакрального и выделение в особую область человеческой деятельности. Возникает понятие суверенитета как самостоятельного источника власти и суверенного государства, которое соединяет в себе и принцип власти, и механизм ее реализации⁸. Государство обособляется от божественной субстанции и само превращается в центр мирского бытия.

Легитимность государственной власти как проблема Нового времени: европейское измерение

Однако чтобы взять на себя роль «земного божества», государству модерна необходимо было создать условия для того, чтобы его имманентное присутствие воспринималось людьми как естественное, а его всеокрушающая воля — как неизбежность. Таким образом, на повестке дня современного государства встала задача обеспечения собственной легитимности.

Феодальная Европа не знала проблемы обоснования в глазах населения справедливости существующего государственного строя. Во-первых, вся власть была от Бога. Более того, она рассматривалась как его непосредственная эманация. Легитимность государственной власти не просто гарантировалась религией. Земная власть являлась частью религиозной картины мира и поэтому легитимировалась всем мировоззрением средневекового человека. С чисто социологической точки зрения принципиальное значение имел и

⁸ Sous la dir. de Châtelet F. Histoire des idéologies. Vol. 2. Paris, 1978. P. 288.

тот факт, что легитимное насилие, которое и предполагает необходимость оправдания его применения, в средневековой Европе осуществлялось целым рядом институтов. Система вассалитета, уникальное социальное явление, родившееся на феодальном Западе, привела к распылению власти между множеством акторов, формально связанных друг с другом системой личных обязательств. Таким образом, возникла ситуация «господства одного господина над другим»⁹, являвшаяся стержнем политической системы средневековой Европы. В ее рамках вопросы легитимности переводились на уровень персональных взаимоотношений между людьми. Базовой максимой феодального общества была формула «человек человека». Она «служила для обозначения личной зависимости, имела точный юридический смысл и использовалась для всех классов без исключения. Граф был „человеком“ короля точно так же, как серв — „человеком“ деревенского сеньора»¹⁰. Идея подчинения человека человеку являлась системообразующей для средневекового общества.

Великая европейская трансформация XVI–XVII вв. полностью изменила ситуацию. Суверенная государственная власть выделилась из области трансцендентного и заняла господствующее положение в социально-политической сфере. Модернизация сломала структуру традиционного средневекового общества. Море атомизированных индивидов предстояло как-то организовать и, главное, внушить им идею о том, что господство «Левиафана» (как Томас Гоббс называл государство модерна), который отныне надзирал над всеми аспектами их жизни, справедливо и оправданно. Эта задача решалась по трем направлениям — через конструирование гражданского общества, рыночной экономики и посредством формирования политической нации.

В традиционном обществе Бог как абсолютное первоначало незримо присутствовал в жизни людей через институт церкви и обожествляемую государственную власть. После

⁹ Weber M. *Economy and Society*. Vol. 1. Berkeley, 1978. P. 1013.

¹⁰ Блок М. Указ. соч. С. 143.

того как само государство стало субъектом социального процесса, ему потребовались свои посредники для организации контроля над социумом и собственной легитимации. Ключевым из них стало гражданское общество. Долгое время в специальной литературе было принято противопоставлять государство и гражданское общество. Сегодня ученые отошли от столь однозначной оценки. Согласно одному из широко используемых в настоящее время определений, гражданское общество представляет собой «область социального взаимодействия между экономикой и государством, которая образована прежде всего сферой личной жизни людей (в частности, речь идет о семье), а также сферой деятельности общественных объединений ..., движений и различных форм публичного взаимодействия». Гражданское общество организовало атомизированный мир индивидов на основе двух принципов — частной собственности и индивидуализма, превращенного в высшую добродетель. Оно возникло как реальный инструмент управления социумом, который изначально активно использовался государством. Основоположник концепции гражданского общества Джон Локк так и писал: «Гражданское общество — это общество политическое, то есть общественная сфера, в которой государство имеет свои интересы».

Государство модерна не просто использовало гражданское общество с целью выстраивания механизма управления территорией и населением. Во многом оно его и создало. Оно стимулировало социально-экономический переворот периода Великой трансформации, который сломал корпоративную структуру старого общества и покончил с частным характером социальных отношений. Оно «канонизировало» право частной собственности, превратив его в альфу и омегу гражданского общества. При его активном участии произошла беспрецедентная интенсификация информационных потоков, которая обеспечила возможность новых коммуникаций между людьми и их вместе — с властью. Государство создало рыночную экономику и стало ее главным субъектом, обеспечив себе, таким образом, дополнительную

легитимацию. Наиболее четко это подметил не кто иной, как Адам Смит. Его экономическая теория, которую принято считать квинтэссенцией антиавторитарного либерализма, отводя государству роль «ночного сторожа», фактически превращает его в хранителя естественного порядка вещей. В эпоху, когда идея общего блага начинает однозначно увязываться с материальным процветанием, этот канал легитимации государственной власти превращается в один из ключевых.

Гражданское общество ощущало себя полноправным субъектом социально-политических отношений. Однако фактически оно функционировало в рамках, заданных властью, и по правилам, установленным властью. Система норм гражданского общества (индивидуализм, частная собственность) была плодом государственной политики. Ценности, которые в традиционном социуме считались маргинальными, заняли господствующее положение в аксиологическом дискурсе Нового времени, а опиравшаяся на них государственная власть обрела ореол блюстителя справедливости и защитника естественного хода вещей.

Именно в восприятии социального порядка, поддерживаемого властью, как естественного крылся один из важнейших факторов легитимности государства эпохи модерна. Легитимным, то есть справедливым, имеющим право на существование, является то, что менее всего заметно, что считается имманентно присутствующим, что в наибольшей степени соответствует сложившемуся в обществе габитусу (термин Пьера Бурдьё). Сконструировав гражданское общество на основе идей индивидуализма и частной собственности, превратив эти идеи в аксиологическую основу новой социальности и представив себя главным блюстителем этих идей, государство Нового времени сделало серьезный шаг вперед в деле решения задачи обеспечения своей легитимности.

Однако гражданское общество, функционирующее на базе идеи индивидуализма, не могло стать универсальным механизмом, легитимирующим современное государство на Западе. Широкие слои населения оставались за его рам-

ками. Все те, кто был отчужден от частной собственности и не вписался в рыночную экономику, являлись париями гражданского общества. В результате опора только на гражданское общество и буржуазное общественное мнение подрывала легитимность государства в то время, когда индустриализм привел к резкому росту социальной активности широких масс населения европейских стран. Это в полной мере проявилось в XIX в. в ходе революционных выступлений под социально-политическими лозунгами, охвативших весь европейский континент.

В ситуации резкой дестабилизации европейских политических режимов, сопровождавшейся серьезным подрывом их легитимности, государство было вынуждено прибегнуть к внедрению дополнительных факторов легитимации. Во-первых, серьезно трансформировался господствующий общественно-политический дискурс. За индивидом признали не только «естественные» права, но и права социальные — на труд, достойную жизнь и т.п. Соответственно, значительно расширились понятийные границы категории гражданского общества. Теперь в него теоретически включались не только частные собственники, но и все, кто своим трудом создавал общее благо. Это потребовало серьезного пересмотра первоначального «договора об учреждении» гражданского общества, так как новые социальные права по сути противоречили базовым постулатам индивидуализма, который оставался основой основ общества модерна. Введение в странах Европы всеобщего избирательного права, которое подвело черту под реформированием гражданского общества, прошло не без сложностей. Идея о том, что право голоса в политических делах имеют не только собственники, но и все население, с трудом пробивала себе дорогу. Тем не менее исторически она оказалась настолько успешной, что сегодня понятие легитимности государственной власти практически тождественно фактическому наличию в стране всеобщей избирательной системы, которая считается абсолютно естественным «нормальным» атрибутом политической структуры.

Однако по степени воздействия на массовое сознание мало что могло сравниться с возникшей в годы Великой трансформации и в XIX в. реализовавшейся на практике идеей нации. Государство, обладавшее сверхэффективным аппаратом форматирования человеческого мышления, в XIX–XX вв. создало невиданные по размерам и степени консолидированности человеческие общности — нации. Этот социальный эксперимент исторического масштаба оказался чрезвычайно удачным. Нация за счет своего всеобъемлющего характера гораздо эффективнее, чем гражданское общество, связывала людей воедино. В рамках нации нет ни бедных, ни богатых, ни избранных, ни партий, ни счастливых, ни обделенных. Все собраны воедино, в рамках некоей вечной суперобщности. Она нивелирует социально опасные перекосы, возникшие в результате наступления индустриализма, но главное — дает людям высший смысл жизни. Эта ее функция имела ключевое значение в условиях дезориентированного и атомизированного общества периода раннего модерна. Нация указывала человеку на то, кто он есть и куда ему следует идти.

Однако сама по себе категория нации не могла сыграть роль «подпорки» государственной власти. Для того чтобы она таковой стала, необходимо было ввести ее в политический дискурс. Это удалось сделать в годы Французской революции, которая ознаменовала перенос суверенитета с личности монарха на нацию. Этот переход стал ключевой вехой в политической истории Запада. Отныне понятия государство и нация слились воедино, обозначив возникновение новой социально-политической общности — национального государства. В его рамках механизмы легитимации вышли на качественно иной уровень. Современное национальное государство не просто убеждает людей в том, что является справедливым и законным. Оно фактически ставит знак равенства между гражданами и собой. В национальном государстве гражданин принимает власть потому, что рассматривает ее как производную от собственной воли. А что может быть более справедливым и естественным, чем то, что

делается ради тебя и от твоего имени? Следовательно, национальный суверенитет, который принято рассматривать как способ ограничения государственной власти, на самом деле усиливает ее как никогда.

Таким образом, политическая нация, наряду с гражданским обществом и рыночной экономикой, превращается в важнейший фактор легитимации современного государства на Западе. Однако помимо источников легитимности важнейшую роль играют и каналы легитимации политической власти. В модерне главным из них становится общественное мнение. Сегодня общественное мнение принято считать мерой всего, неким всеобщим эталоном, отражающим социальную реальность, с которым соотносится деятельность политической власти. В некоторой степени это действительно так, однако с одной оговоркой: Общественное Мнение с большой буквы, некий образ реальности, в соответствии с которым действуют социальные акторы (определение У. Липпмана), само является продуктом конструирования.

В традиционном обществе, за отсутствием общества в современном понимании этого термина, общественного мнения не было и не могло быть. Сами понятия публичности и приватности здесь очень часто сливались. Вся публичная политическая деятельность правителя или локальных групп являлась в то же время разновидностью частных отношений между носителями власти. Публичность как форма открытой репрезентации власти возникла в Европе лишь с окончательным разделением власти и общества. В этот период появляется т.н. буржуазная публичная сфера, или публичная сфера «в современном смысле слова» (термин Юргена Хабермаса) — пространство диалога власти и общества. Этот диалог принято рассматривать лишь через призму давления общества на власть. Однако, как правило, все обстоит наоборот.

Во-первых, диалог с властью ведет не все общество. Его подавляющее большинство вообще не интересуется политикой в силу объективных обстоятельств — нехватки времени или знаний. Общественное мнение — это всегда мнение

лишь части общества, т.н. интеллектуальной элиты, чья социальная функция как раз и состоит в выработке коллективных представлений о социуме и мире. Именно интеллигенция, как в свое время отмечал Антонио Грамши, играет роль канала осуществления государством легитимирующей его культурной гегемонии. Во-вторых, представления людей о мире и социуме конструируемы. «Общественное мнение, — отмечал американский социолог У. Липпман, — имеет дело с косвенными, невидимыми и загадочными событиями, где ничто не является очевидным. Ситуации, к которым относится общественное мнение, выступают как мнения». Эти мнения формируются в результате долгой социализации индивида, получения им образования и его включения в информационные потоки, а значит, процесс их генезиса неотделим от государственной политики.

Через интеллигенцию власть осуществляет символическую власть над населением — власть формулировать и навязывать массам представления о мире. Таким образом, взаимодействие власти и общественного мнения вообще не является диалогом. Именно это имел в виду Пьер Бурдьё, когда писал, что общественного мнения в реальности не существует. Фактически речь идет о монологе, целью которого является внедрение в массовое сознание определенного набора ценностей и постулатов и его последующее воспроизводство, а в конечном итоге — убеждение масс в том, что существующий строй легитимен, то есть справедлив. И чем больше люди уверены в том, что они, каждый из них в отдельности, на самом деле ведут диалог с государством, чем больше они воспринимают это положение как естественное, тем шире возможности политического режима обеспечивать свою легитимность.

Таким образом, гражданское общество, рыночная экономика и политическая нация — это те опоры, на которых базируется легитимность современного государства на Западе, а общественное мнение является каналом, посредством которого представление об этой легитимности формируется и воспроизводится. Между тем историческое своеобразие

процесса формирования категории легитимности на Западе вызвало к жизни несколько важных коллизий, которые следует рассмотреть отдельно.

Представление о легитимности государства стало первоосновой, из которой выросла вся правовая система современного Запада. В результате обмирщения государства возникло представление о том, что последнее слово в вопросах права принадлежит земной власти. Свое теоретическое развитие эта идея получает в трудах Томаса Гоббса, пришедшего к следующему выводу: «сила закона состоит в том, что он является приказанием суверена»¹¹. Из понимания того, что право есть явление субъективное, зависимое от воли абсолютного монарха или всемогущего парламента, а не объективное, определяемое «в терминах божественного закона, закона природы, закона разума, обычного права и обычая», как это было в Средние века, и возникает понимание верховенства закона. Именно здесь появляется базовая для современной правовой системы категория легальности, под которой понимается «санкция со стороны власти на узаконение, предание законной силы какому-то политическому институту, документу и пр., а также формальное соответствие праву решений и нормативных актов органов государственной власти»¹².

Понятия легитимности и легальности находятся друг с другом в сложной зависимости. Выше отмечалось, что сегодня в общественном дискурсе нередко можно встретить отождествление легальности и легитимности. Однако между ними, как верно замечает французский исследователь Ж.П. Жакке, «отсутствует абсолютная адекватность», так как «законность является юридической концепцией, тогда как легитимность — есть политический сантимерт»¹³. Признание государственной власти легитимной, т.е. обладающей способностью «порождать и поддерживать веру в то, что существующие политические институты являются наиболее под-

¹¹ Гоббс Т. Левиафан. М. 1936. С. 214.

¹² Категории политической науки // рук. авт. кол. А.Ю. Мельвиль. М., 2002. С. 106.

¹³ Жакке Ж.-П. Конституционное право и политические институты. М., 2002. С. 104.

ходящими для общества» (С.М. Липсет), в первую очередь есть «предпосылка того доверия, которое только и устанавливает конгруэнтность (соответствие) права и формального закона» (Карл Шмитт). Под правом здесь понимается господствующее в обществе представление о справедливости, из которого и вытекает требование к формам и содержанию деятельности государственной власти, а следовательно, и ее легитимность. В наиболее концентрированном виде это представление формулируется в тексте конституции государства. Если вернуться к предлагаемому выше определению легальности, то в нем под противоречием решения или нормативного акта государственной власти праву понимается именно их противоречие основному закону страны. Таким образом, решения или нормативно-правовые акты, идущие вразрез с положениями конституции, являются как нелегальными, т.е. противоречащими документу, обладающему высшей юридической силой, так и нелегитимными. В западных демократиях с течением времени государственная власть выработала эффективные механизмы, позволяющие избежать принятия решений и актов в нарушение основного закона. После Второй мировой войны во всех странах появляются органы конституционного контроля и совершенствуется система органов административной юстиции.

Легитимность и эффективность государственной власти

Второй отличительной чертой великой трансформации Запада является возрождение идеи разделения властей, известной еще Аристотелю. В Новое время она получает свое развитие в трудах Джона Локка и Шарля Луи Монтескьё. Именно в разделении властей эти мыслители видели эффективный механизм, благодаря которому можно избежать злоупотреблений со стороны государства и обеспечить соблюдение естественных прав человека. Эффективной, таким образом, является только такая организация власти, кото-

рая в состоянии исполнить два указанных выше требования. Разделение властей является гарантом такого состояния. Однако с переходом от государства — ночного сторожа к социальному государству изменилось и представление об эффективности государственной власти, так как перераспределительная функция последней требует в первую очередь концентрации власти, а не ее разделения. Таким образом, в различные исторические периоды эффективной властью является та, которая «выполняет основные функции, как их представляют большинство населения и такие влиятельные группы, как крупный бизнес или вооруженные силы» (С.М. Липсет).

Липсет вводит четырехчастную градацию типов соотношения легитимности и эффективности. Если государственная власть является одновременно и легитимной и эффективной, то политическая система такого государства соответствует типу А. При этом следует учитывать, что представление об эффективности власти изменяется в зависимости от результата голосования на выборах, в то время как легитимность является более устойчивой категорией. Очевидно, что представления об эффективности будут разными у лейбористов и консерваторов, однако система легитимации самой власти в Великобритании будет оставаться неизменной. В тип D попадают государства, в которых власть одновременно не является ни легитимной, ни эффективной. Если такое государство не является диктатурой (а диктатуры, как и либеральные демократии, по мнению С. Хантингтона, являются политическими системами высокой эффективности), то его судьба предрешена. Такое государство либо погрязнет в непрекращающейся череде военных переворотов, либо вовсе распадется. В период между двумя мировыми войнами возникают еще две возможных комбинации соотношения рассматриваемых категорий. В Веймарской республике конституция 1919 года предусматривала эффективный механизм осуществления государственной власти, однако сама власть не признавалась легитимной крупными и влиятельными группами населения. Трагедия

Веймарской республики, как верно замечает известный экономист Людвиг фон Мизес, заключалась в том, что у нее «не было своего политического направления, кроме как лавировать между двумя лагерями, стремившимися в диктатуре»¹⁴. Параллельно в Европе можно было наблюдать и противоположную тенденцию: во многих странах наблюдался явный кризис эффективности власти, хотя ее легитимность не ставилась под сомнение.

При рассмотрении вопроса о соотношении легитимности и эффективности можно прибегнуть и к теоретической конструкции соотношения степени демократичности политического режима и уровня потенциала государства, предложенной Чарльзом Тилли. По мнению исследователя, потенциал государства «определяет, в какой степени вмешательство государственных агентов в существующие негосударственные ресурсы, деятельность и межличностные связи изменяет распределение этих ресурсов, деятельность и межличностные связи, а также соотношение таких распределений»¹⁵. Демократичность же политического режима определяется широтой участия граждан в политической жизни, равенством в отношении основных прав и обязанностей, уровнем защищенности граждан от произвола государственной власти, а также наличием или отсутствием взаимообязательных консультаций при принятии политических и управленческих решений. Если указанные четыре требования исполняются, то государственная власть в глазах населения, безусловно, признается легитимной.

Демократический политический режим с низким потенциалом государства возникает в том случае, когда пришедшая к власти элита предпочитает минимизировать свое участие в жизни общества, т.е. следует либеральному представлению об эффективной власти. Следовательно, о высоком потенциале демократического политического режима следует говорить в ситуации запуска на максимально воз-

¹⁴ Мизес Л. фон. Всемогущее правительство: тотальное государство и тотальная война. Челябинск, 2006. С. 284.

¹⁵ Тилли Ч. Демократия. М., 2007. С. 32.

можную мощность всех перераспределительных механизмов социального государства. В обоих случаях власть является легитимной, а ее действия выражают господствующее на момент выборов требование к ее эффективности.

Применять категорию легитимности к недемократическим режимам, которые в большинстве случаев существуют за пределами западной цивилизации, следует с существенными оговорками, так как здесь только начались процессы адаптации достижений великой трансформации Запада к местным условиям. В большинстве случаев в этих странах потенциал государства очень низкий. Эффективной государственной властью могут похвастаться лишь немногие из них.

В предложенной типологии, однако, есть и один существенный недостаток. Безусловно, существует неоспоримая связь между легитимностью государственной власти и демократичностью политического режима. Но если в рамках западной или близкой к ней цивилизации возникает недемократический режим, обладающий высокой степенью легитимности и предельно возможным при имеющихся ресурсах уровнем потенциала государства, то предложенную Чарльзом Тилли типологию следует дополнить промежуточными значениями. Например, власть в Советском Союзе или в нацистской Германии была одновременно и легитимной, и эффективной, хотя политические режимы не являлись демократическими.

Легитимность и доверие к институтам публичной политической власти

В современном общественном дискурсе можно встретить еще одно очень распространенное заблуждение, вызванное попытками установить соотношение между популярностью институтов публичной политической власти и ее легитимностью. Часто данные социологических опросов показывают недоверие граждан к президенту, парламенту, правительству, судам. Возникает вопрос о том, обуславлива-

ет ли такое отношение населения к власти делегитимацию последней. Безусловно, нет. В первую очередь, как замечает французский социолог М. Доган, «различие между легитимностью и доверием проявляется в возможных ответах на простой вопрос „должен ли быть признан приказ данного полицейского?“: 1) „он должен быть признан, поскольку приказ обоснован“. Такой ответ предполагает легитимность и доверие; 2) „этот полицейский злоупотребляет своей властью, и поэтому следует иметь в виду возможность обратиться к вышестоящему лицу, но в данный момент ему следует подчиниться, поскольку он является представителем власти“. Второй ответ указывает на легитимность без доверия. Полиция в качестве правового института может рассматриваться как легитимная, даже если тот или иной полицейский оказывается недостойным доверия»¹⁶.

Во-вторых, население может выражать свое отношение к власти как напрямую (путем выборов или референдума, а также посредством института отзыва), так и через своих представителей в случаях формирования правительства на парламентской основе, не ставя под сомнение легитимность самой публичной власти. Следовательно, например, нечестные выборы ведут не к кризису легитимности власти, а к кризису доверия к ее институтам. В такой ситуации публичная власть может принять ряд эффективных мер по исправлению своего имиджа. Это могут быть меры политического (назначение пользующихся доверием у населения лиц на ответственные посты), социально-экономического (повышение размера социальных выплат), законодательного (криминализация или декриминализация определенных деяний, внесение изменений в законодательство о налогах и сборах) или административного (изменение организации системы органов исполнительной власти с целью их большей доступности для населения) характера. Возможны и меры откровенно популистского характера. Таким образом, если население снова уверует во власть, то на следующих

¹⁶ Доган М. Легитимность режимов и кризис доверия // Социс, 1992, №5.

выборах ей будет гарантирована уверенная победа, а кризис доверия будет преодолен. В противном случае ее ждут институциональные и кадровые изменения, так как кризис доверия может привести и к кризису эффективности власти.

Доверие к институтам публичной власти, безусловно, тесно связано с проблемой ее эффективности. В западных демократиях смена находящихся у власти партий или партийных коалиций в первую очередь обусловлена постоянными изменениями в требованиях политически активных групп граждан к уровню потенциала государства. Сравнивая современное социальное правовое государство¹⁷ с «динамическим равновесием маятника», российский исследователь В.А. Четвернин резюмировал, что «оно постоянно стремится к усилению своего социально-интервенционистского начала (именно последнее дает основу для самовоспроизводства бюрократии). Но как только такое государство в своем внутривнутриполитическом движении проходит некоторую точку равновесия (оптимального регулирования), которую безошибочно фиксируют механизмы саморегулирования, начинается активизация его правового начала, сдерживающего интервенционистскую тенденцию тем сильнее, чем дальше заходит государственное регулирование. Наконец правовое начало побеждает социально-интервенционистское, и начинается движение в обратную сторону»¹⁸. Победа социалистов на выборах означает, что население доверяет власти интервенционистской и требует усиления потенциала государства. Победа же неоконсерваторов показывает, что население устало от чрезмерного государственного регулирования социально-экономических отношений и надеется в первую очередь на свои силы, т.е. не собирается ожидать результатов государственного перераспределения ресурсов¹⁹.

¹⁷ Термин «социальное правовое государство» был введен в научный оборот в 1930 году немецким исследователем Г. Геллером, а свое нормативное закрепление впервые получил в ст. 29. Основного закона ФРГ 1949 года. Подробнее: Мамут Л.С. Социальное государство с точки зрения права // Государство и право, 2001. №7.

¹⁸ Четвернин В.А. Демократическое конституционное государство: введение в теорию. М., 1993. С. 11.

¹⁹ Стоит обратить внимание на то, что некоторые политики очень выгодно используют рассматриваемый закон функционирования социального правового государства в своих целях. Так, на последних президентских выборах в США Митт Ромни, кандидат от Республиканской партии, выступая в качестве адепта либеральной идеи в противовес социальным реформам Б. Обамы, активно поддерживал принятие первого в истории страны (штат Массачусетс, губернатором которого Ромни являлся в 2003-2007 годах) закона об обязательном медицинском страховании взрослых.

Проблема легитимности государственной власти в России: история вопроса

Описанная выше схема легитимации политической власти, сложившаяся на Западе в Новое время, сегодня во многом считается универсальной. Ее представляют как эталон, на который должны ориентироваться все современные государства, желающие, чтобы их воспринимали как «нормальные» и «цивилизованные». Собственно, это говорит лишь о том, насколько мощными оказались механизмы легитимации государственной власти на современном Западе: как естественные они воспринимаются не только в своей «колыбели», но и по всему миру. Однако это ровным счетом ничего не означает с точки зрения применимости западного опыта к анализу ситуации в других обществах и культурах. Индивидуализм и частная собственность, формирующие механизмы политической легитимации на Западе, стали следствием специфического исторического развития именно этого уголка мира. «Теперешняя „свобода“, — писал Вебер про современную ему Европу, — дала ростки при уникальном стечении обстоятельств и условий, и они никогда больше не повторятся»²⁰. В практическом плане это означает, что подступаться с западными лекалами к анализу института государства в России не имеет смысла. Обзор хода русской истории показывает, что на протяжении столетий здесь работали иные способы организации власти и ее легитимации в глазах населения.

Главная отличительная особенность России по сравнению с Западом заключается в специфическом характере сложившейся здесь государственности. Что бы ни писали об авторитарности и неограниченности русской власти, исторически она имела мало общего с тем «Левиафаном», который возник в годы Великой трансформации в Европе. Государство в России не прошло через этап обмирщения, выделения из сферы трансцендентного и переформатирования на основе

²⁰ Вебер М. К состоянию буржуазной демократии в России // Русский исторический журнал. Том I. Весна 1998. № 2. С. 297.

идеи суверенитета. Здесь отсутствовали исторические предпосылки для его превращения в «земное божество», направляющее все процессы социального развития. Государство в России оставалось механизмом отправления власти, в то время как принцип власти всегда был от него отделен. В этой связи примечательно, что в отличие от Европы, где домодерновое государство не отделялось от личности правителя, в России власть истари воспринималась как некая субстанция, автономная в том числе и от фигуры непосредственного властителя. Об этом, в частности, пишет Иван Грозный в своих письмах Андрею Курбскому.

Подобная конструкция сильно напоминает отношение к власти, сложившееся в Византийской империи, где даже император был не более чем «первым магистратом», служившим «общему делу» (*res publica*). Эта, в основе своей римская, традиция государственности, полностью утраченная Европой в «темные века», распространилась через культурное влияние Византии на Руси. Однако здесь принцип «общего дела» заменила собой идея «правды» — синкретического набора представлений русского крестьянства о мире и своем месте в нем. Центральное место в нем занимал образ «царства Божьего на земле», безгосударственного уравнительного общественного устройства, «мужицкой» утопии, в которой наступит торжество «земли» — микрокосма крестьянской общины. Государству как аппарату принуждения в рамках этой ментальной конструкции не было места. В массовом сознании крестьян оно не воспринималось в качестве законного воплощения принципа власти. Парадокс состоит в том, что, несмотря на это, государство в России возникло. В объяснении этого феномена, в выяснении того, как в традиционном русском политическом дискурсе совмещались принцип власти в виде «правды» и механизм власти в лице государства, состоит одна из главных проблем русской истории.

О том, зачем исповедовавшему безгосударственный идеал славянскому населению Восточно-Европейской равнины «потребовалось» государство, написано еще у летописца

Нестора. «Земля наша богата и обильна, порядка в ней нет», — говорят новгородцы призываемым на княжение варягам. Главной функцией русского государства исторически являлись урегулирование внутренней жизни и защита территории от агрессии извне. На средневековом Западе, где традиция государственности была утрачена после краха Римской империи, этим занималось множество социальных общностей, от городской коммуны до римско-католической церкви. Власть здесь была растворена в обществе. На Руси все обстояло иначе.

В отличие от Запада, где социально-политическое развитие шло по линии выделения власти из общества, исторический путь России начался с создания властью общества. В противоположность Западной Европе, уже имевшей на заре средневековья богатую историю общественного развития, Восточно-Европейская равнина, географическое ядро России, к моменту возникновения русской государственности в социально-политическом отношении представляла собой совершенно девственную территорию. Ее природные и климатические условия не способствовали складыванию здесь более-менее устойчивых форм коллективного общежития больших групп людей²¹. По сравнению с Европой, общественная структура которой состояла из множества находящихся друг с другом в тесных договорных отношениях социальных миров, Россия представляла собой «социальную пустыню». Базовой ячейкой ее общественной системы являлась крестьянская поземельная община. Исторически этот институт был первичным и на Западе, но там в силу процессов социокультурного развития он дал богатые «всходы». В российском же контексте крестьянская община оказалась фактически законсервированной. В условиях примитивной экономики и низкого уровня разделения труда это привело к значительной фрагментации социально-политического пространства на Восточно-Европейской равнине.

²¹ Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительное историческое исследование. М., 1994. С. 11–12.

Соединить тысячи крестьянских общин, разбросанных на огромной территории, в единое сообщество могла только внешняя по отношению к ним сила в виде государства. В условиях геополитической нестабильности региона подобной консолидации сверху не было альтернативы — ликвидация угрозы агрессии извне всегда оставалась ключевым направлением социально-политического развития России. В результате в особых условиях возникло специфическое политическое образование — русское патримониальное государство, взявшее на себя уникальную функцию «социального демиурга». В соответствии с императивами организации подконтрольной ему территории оно фактически создает социально-политическую структуру страны. Во-первых, государство проводит «окняжение» всего земельного фонда, то есть консолидирует в своих руках материальные ресурсы. Во-вторых, оно сверху формирует систему сословий — «специализированных» социальных групп с институционализированными и официально закрепленными правами и обязанностями. Их задача состояла в том, чтобы способствовать максимально эффективному использованию мобилизованных ресурсов²². Отсюда — тот самый «вотчинный» характер государственной власти в России, о котором в свое время писал В.О. Ключевский.

Домодерновая средневековая Европа представляла собой пространство, в рамках которого различные социально-политические акторы, выражаясь языком Пьера Бурдьё, конкурировали за право контроля над ключевыми видами социальных капиталов (политическим, экономическим, культурным и т.п.). В России в условиях их хронического дефицита такой конкуренции не было и не могло быть. Существование социума обеспечивалось изначальной концентрацией политического и экономического капиталов в руках государства. Ресурсы аккумулировались и перераспределялись в рамках сословной структуры с целью, во-первых, обеспечения функции защиты территории и, во-вторых, поддержания жизнедеятельности социального организма на более-менее приемлемом уровне.

²² Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начала XX вв.). Т.1. СПб., 2000. С. 79.

Таким образом, в России в общих контурах сложилась политическая система, которую Макс Вебер определил как патримониальное господство. Исторически предшествующее обществу государство формирует социальную структуру и берет на себя ответственность за ее поддержание — по принципу устройства большой патриархальной семьи. Близость к власти играет здесь роль символического капитала, определяющего место человека или общности в социальной иерархии (термин Пьера Бурдьё). «Власть, — писал о ситуации в России Вебер, — не подлежит никакой особой группе исключительно. Наоборот, все группы подлежат власти. Поэтому борьба в обществе идет не за землю или иную собственность, а за власть».

Однако при столь значительной роли государства в России его положение здесь всегда было несколько двусмысленным. С одной стороны, оно всегда являлось главным социальным актором. С другой — целые пласты народной жизни оставались вне сферы его влияния. Первичная социальная ячейка русского общества — крестьянская поземельная община — столетиями существовала в рамках традиционного жизненного уклада и культурной парадигмы, пересекаясь с государством только в вопросах политического (прежде всего военно-политического) и экономического плана. Русский крестьянин продолжал воспринимать окружающий мир в категориях «правды», которая отвергала государство как институт насилия.

В этом смысле показательна характеристика русской государственности, сформулированная дореволюционными юристами: государство в России — это «общественный союз, представляющий собой признанное принудительное властвование над свободными людьми». И далее: «Раз государство присваивает себе исключительное право принуждения, оно должно осуществлять принуждение во всех тех случаях, когда без него обойтись нельзя»²³. В данном определении привлекают внимание два момента: во-первых, в нем под-

²³ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 1909. С. 240–241.

черкивается внешний насильственный характер государства («властвование над свободными людьми»), а во-вторых — ограниченность государственной компетенции («осуществлять принуждение во всех тех случаях, когда без него обойтись нельзя»). Государственная власть в России воспринималась как некая внешняя сила, чуждая по отношению к населению и даже время от времени противостоящая ему. Власть государства принимается по необходимости, даже поневоле и лишь в ряде ключевых сфер. Как отмечают исследователи крестьянской ментальности, в рамках русского традиционного сознания идеальное государство — это «государство без государства», «структура без структуры, как общество равных мелких производителей». Здесь сами собой напрашиваются аналогии с модным ныне противопоставлением «государства» и «страны».

Очевидно, где-то в этой же плоскости находятся корни и типично русского феномена «хороший царь — плохие бояре». «Бояре» для традиционного сознания являются олицетворением собственно института государства как внешней принуждающей силы, заставляющей население терпеть лишения. «Царь» же не просто воплощает собой некое справедливое государственное устройство. Он — олицетворение принципа власти, олицетворение «правды». Его фигура во многом противостоит государству. Как отмечает современный исследователь русской крестьянской ментальности, «в процессе реализации воплощения идеального образа должно было произойти самоуничтожение царя [как носителя государственного начала], ведь после утверждения “чистой” воли существование монарха теряет всякий смысл». В этом смысле характерно архетипическое крестьянское представление о том, что при идеальном царе исчезнет необходимость давать рекрутов в армию и платить налоги.

В столь своеобразных исторических условиях становления и развития института государства в России проблема легитимности государственной власти представала здесь в принципиально ином свете, чем на Западе. Россия не знала стадии, на которой власть была растворена в обществе, по-

этому формирование централизованного государства, государства, мобилизовавшего все ресурсы населения и территории, сразу потребовало создания механизмов оправдания существующей власти. В контексте социальной среды, которая сформирована множеством автономных социальных миров, воспринимающих государство не как естественную оболочку общежития (что имело место в Европе), а как внешнюю силу и орудие насилия, задача легитимации государственной власти превращалась в ключевую.

В глазах русского крестьянина-общинника, носителя традиционной ментальности, существование государства, этого нароста на теле «земли», может оправдаться лишь одним — необходимостью обеспечения коллективного преодоления страданий²⁴. Экзистенциальные катастрофы, сопровождавшие ранний период русской истории, надолго поместили в крестьянском сознании мысль о том, что залог спасения «земли» — в ее сплочении вокруг государства, которое брало на себя функцию коллективного механизма по преодолению страданий. Необходимость постоянной борьбы за выживание социума легитимировала конструкцию власти, созданную русским патримониальным государством. Словенно-поместная структура общества в корне противоречила крестьянскому идеалу, однако население мирилось с ее существованием постольку, поскольку она представляла собой канал «справедливого» перераспределения ресурсов с целью минимизации внешних и внутренних угроз. Стоящая над государством фигура царя, олицетворявшая принцип власти, освящала собой всю властную конструкцию, придавая обязанностям в отношении государства характер «роковой неизбежности». Институтом, дававшим этой конструкции дополнительную легитимацию, являлся Земский собор, который обеспечивал государственной структуре дополнительное одобрение со стороны «земли». Царь и Земский собор, будучи институтами негосударственными или даже надгосударственными, находились в неразрывном сакраль-

²⁴ Кара-Мурза С.Г. Кризисное обществоведение. Ч.1. М., 2011. С. 452.

ном единении (вплоть до Петра I царя на троне формально утверждал Земский собор) и давали высшую санкцию на управление государством властных функций.

В специфическом русском политическом контексте проблемы легальности и эффективности власти, а также доверия ей представляли в новом свете. Идея легальности в европейском понимании здесь не находит применения. Исторически в России не сформировалось понятие суверенитета как категории, объединяющей принцип власти и форму ее реализации. В Европе источником права является суверен, в России — государство, которое, будучи лишенным статуса носителя принципа власти, перманентно находится в состоянии «половинчатой» легитимности. В результате возникает ситуация имманентного недоверия закону, исходящему от государства. Ему противостоит альтернативная, слабо формализованная система представлений населения о мире, которая находится в неразрывной связи с неким надгосударственным принципом власти (та самая «правда»). Отсюда — все мытарства российской правовой системы: «правовой нигилизм», неуважение к закону и т.п. В России практически невозможно представить описанную выше ситуацию с «плохим полицейским», которому необходимо подчиняться в силу того, что он — представитель легальной власти. Ключевое значение здесь имеет аффективное отношение к власти, то есть субъективное доверие ей. Легитимная власть в России должна быть эффективна в своей (достаточно узкой) «сфере ответственности» (обеспечение преодоления страданий) и существовать в гармонии с надгосударственным принципом власти, выраженном в категориях «правды».

Система, в рамках которой все сословия под эгидой государственной власти решают общую задачу преодоления страданий, обладала большой степенью устойчивости и легитимировала русское патримониальное государство на протяжении столетий. Однако принципиальная чуждость института государства крестьянской ментальности оставалась ее ахиллесовой пятой. Стабильность системы сильно зависела от харизматической фигуры верховного правителя

и от неизменности социального статус-кво. Как только царь переставал восприниматься как надгосударственная фигура или социальные условия входили в диссонанс с крестьянской «правдой» на фоне осознания того, что государство не справляется со своей функцией преодоления страданий, властная структура выходила из равновесия. Крупнейшие кризисы легитимности русского патримониального государства приходились либо на периоды десакрализации фигуры царя в восприятии всего населения или его части (Смутное время, восстания времен реформ Петра I), либо на периоды более или менее глубинных социальных преобразований.

Еще одна важная проблема заключалась в том, что канал обратной связи между властью и обществом, посредством которого воспроизводилась легитимность государства, в России был весьма узок. Здесь очень долго отсутствовал аналог западного общественного мнения, в результате чего возможности власти воздействовать на то, как ее воспринимают подданные, существенно ограничивались. Как следствие любой политический кризис мог в массовом восприятии нанести удар по престижу власти. Впрочем, после того как в XIX в. общественное мнение в виде интеллигенции возникло, положение стало еще сложнее. Интеллектуальная прослойка, которая должна играть ключевую роль в легитимации режима, оказалась в состоянии перманентной и практически тотальной оппозиции ему. В исторической ситуации конца XIX — начала XX вв. все эти факторы, работавшие против легитимности русского патримониального государства, совпали, результатом чего стал революционный взрыв 1917 г.

Сталинский политический режим, возникший на руинах царского государства, смог выжать максимум из традиционной схемы легитимации власти в России. Главное его достижение здесь — восстановление равновесия между императивом преодоления страданий и социально-политической системой страны. Проще говоря, Сталин смог сформировать в сознании в массе своей сохраняющего традиционную ментальность населения представление о том, что государство и вновь сформированные им сословия работают на предо-

твращение экзистенциальных внешних и внутренних угроз. Обладавший харизмой вождь занял положение «над государством», обеспечив таким образом «сакральную» составляющую легитимации. Кроме того (и это принципиально), сталинский режим смог наладить каналы обратной связи с обществом. Ключевую роль здесь играла коммунистическая партия — «постоянно действующий народный собор», который формировал у людей чувство непосредственной близости к власти. Была пересобрана и поставлена на службу политическому строю прослойка интеллигенции. С нуля создали массовую информационную сеть, позволявшую непрерывно транслировать в массы образы, легитимирующие политическую систему (как здесь не вспомнить ленинское «важнейшим из искусств для нас является кино»).

Сталинский СССР стал своего рода воплощением единства власти и общества. Однако созданная в нем система легитимации государства начала быстро разрушаться на новом историческом этапе — после перехода страны в стадию зрелого модерна. Императив преодоления страданий, столь важный для человека традиционного общества, совершенно непонятен и чужд современному сознанию. Модерн формирует у людей совершенно иную систему мотиваторов, суть которой заключается в императиве максимизации наслаждений. Современный человек стремится потреблять. Потреблять товары, услуги, образы. И чем больше, тем лучше. Легитимной системой он считает лишь ту, которая обеспечивает ему такую возможность. Механизмы легитимации власти, созданные на Западе на заре модерна, соответствовали этому вызову. Капиталистическая рыночная экономика позволяла постоянно наращивать материальное потребление. Гражданское общество формировало у индивида ощущение причастности к управлению своей жизнью. Политическая нация «поставляла» иллюзию общности с себе подобными и собственного величия.

Механизмы легитимации власти в России, в силу описанных выше особенностей исторического развития, сформировались еще на этапе традиционного общества. В резуль-

тате, после того как социум очень быстро (в исторической перспективе — практически скачкообразно) модернизировался, они сразу пришли в негодность. В России не было ни гражданского общества, ни политической нации. Имелась система сословий, в рамках которой государство перераспределяло ограниченный объем ресурсов, и реминисценции крестьянской «правды», закрепленные государственным патернализмом. Вследствие смены ментальной парадигмы массового сознания в обществе за несколько десятилетий сложилось ощущение неестественности и несправедливости подобного положения вещей. Возникла беспрецедентная ситуация «социального голода» на материальные товары и услуги, а также, что важнее, на образы. Люди больше не хотели терпеть лишения, они хотели комфорта. Проблема же заключалась в том, что советская социально-политическая система не могла его обеспечить. В иных социокультурных условиях конфликт, возможно, нашел бы выход в рамках существующей системы. Однако в российской ситуации он оказался разрушительным. Дуализм массового восприятия государства (как внешней силы и в то же время как монопольного источника перераспределения ресурсов) привел к тому, что ответственность за недопотребление сразу легла на государственную власть, которая разом потеряла ореол легитимности и стала вновь восприниматься как нечто внешнее и чужеродное.

Возник резкий диссонанс между запросами снизу и политикой сверху. Первой его почувствовала интеллигенция, которая вернулась на антигосударственнические позиции. За ней последовала и большая часть населения. Это повлекло распад социальной ткани общества и в конечном итоге исчезновение государства.

Библиография

1. Блок М. Феодальное общество. М., 2003.
2. Бурдые П. Социология социального пространства. М., 2007.
3. Вебер М. К состоянию буржуазной демократии в России // Русский исторический журнал. Том I. Весна 1998. № 2

4. Вебер М. Политика как призвание и профессия // <http://lib.ru/POLITOLOG/weber.txt>
5. Гоббс Т. Левиафан. М. 1936.
6. Доган М. Легитимность режимов и кризис доверия // Социс, 1992, №5.
7. Жакке Ж.-П. Конституционное право и политические институты. М., 2002.
8. Кара-Мурза С.Г. Кризисное обществоведение. Ч.1. М., 2011.
9. Категории политической науки // рук. авт. кол. А.Ю. Мельвиль. М., 2002.
10. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 1909.
11. Мамут Л.С. Социальное государство с точки зрения права // Государство и право, 2001. №7.
12. Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительное историческое исследование. М., 1994.
13. Мизес Л. фон. Всомогущее правительство: тотальное государство и тотальная война. Челябинск, 2006
14. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начала XX вв.). Т.1. СПб., 2000.
15. Тилли Ч. Демократия. М., 2007.
16. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Fuko_Tyrm/06.php
17. Фуко М. Око власти // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Fuko_intel_power/Fuko_12.php
18. Четвернин В.А. Демократическое конституционное государство: введение в теорию. М., 1993.
19. Элиас Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования // http://krotov.info/library/26_ae/li/as_16.htm
20. Sous la dir. de Châtelet F. Histoire des idéologies. Vol. 2. Paris, 1978.
21. Weber M. Economy and Society.Vol.1..Berkeley, 1978